

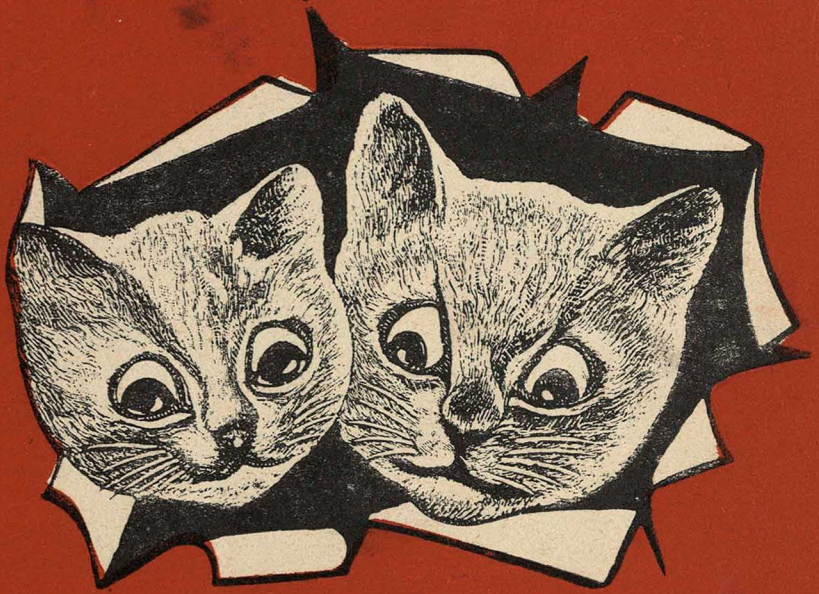
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень нъ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

МАРТЪ.

№ 9.

1913.



# ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



## СОДЕРЖАНІЕ:

АЗРЕКЪ (исторія лошади).  
НА ЛѢСНОЙ ПОЛЯНКѢ (стих.).  
ФЕДИНЬКА.  
ОТТЕПЕЛЬ (стих.).  
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).  
ГОЛОВОЛОМКИ.  
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:



# Золотое Дѣтство.

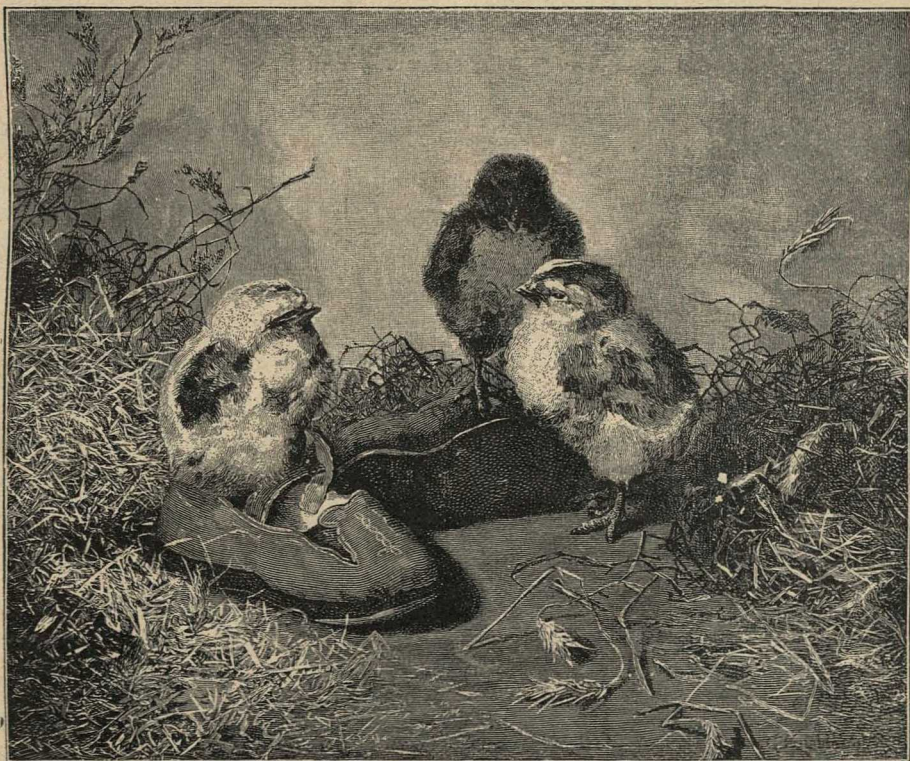
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



## А З Р Е К Ъ.

ИСТОРИЯ ЛОШАДИ.

Я помню себя маленькимъ, съ- казалась мнѣ свободной и пре-  
ренькимъ жеребеночкомъ, бѣгав- красной, какъ дѣтскій сонъ. Все  
шимъ за матерью по берегу ши- время мать не упустила меня изъ  
рокаго Нила. Вдалекѣ, на гори- виду и если я забѣгалъ далеко,



С о в ѣ т ь.

зонтъ, виднѣлись египетскія пира-  
миды, подъ группою пальмъ была  
раскинута палатка моего хозяина  
араба. Надо мною висѣло темно-  
голубое, прозрачное небо и жизнь

то она подзывала меня негромкимъ  
ржаньемъ. Часто подходилъ къ  
намъ нашъ хозяинъ и ласкалъ  
насъ. Должно быть, моя мать была  
знатнаго происхожденія, потому

что нашъ хозяинъ, похлопывая мою мать ладонью по шеѣ, часто говорилъ:—

— О, Дина, моя несравненная лошадь! Ты мой вѣрный, близкій другъ! У тебя шея, какъ у страуса, ты сильна, какъ верблюды, быстра, какъ гончая собака, нѣжна, какъ голубь, и прекрасна, какъ львица. Твои глаза — какъ двѣ звѣзды, твои ноздри — какъ два раскаленные угля. Не даромъ-же ты происходишь отъ лошади, на которой три тысячи лѣтъ тому назадъ ѣздилъ самъ царь іудейскій Соломонъ!

Мнѣ было пріятно, что онъ такъ относился къ моей матери, но я тогда былъ еще молодъ и не придавалъ значенія своему знатному происхожденію.

Когда мнѣ исполнилось полтора года, то къ моему хозяину явился какой-то арабъ и сталъ у него меня покупать.

— Если ты не продашь мнѣ этого жеребенка добровольно, сказалъ онъ, — то я украду его у тебя или возьму насильно. Я увидалъ его и теперь не могу безъ него жить! Ты знаешь, что значитъ для араба такой хорошій скакунъ!

— Но онъ только на прошлой недѣлѣ пересталъ сосать свою мать! отвѣтилъ мой хозяинъ. — Онъ еще малъ.

— Я воспитаю его и онъ будетъ моимъ другомъ. Я буду любить его больше, чѣмъ свою дочь Наину, безъ которой я не могу жить.

Затѣмъ они ушли въ палатку и долго изъ нея не выходили. Когда же наступилъ вечеръ и на небѣ зажглись звѣзды, то ко мнѣ подошелъ мой хозяинъ, надѣлъ на меня уздечку, похлопалъ меня рукой по шеѣ и поцѣловалъ между ноздрей. — „Прощай, мой красавчикъ!“ со вздохомъ сказалъ онъ и передалъ меня своему гостю. Тотъ пришелъ въ восторгъ, сталъ обнимать мою шею и я видѣлъ, какъ на его глазахъ блестяли слезы.

— Береги-же, Азраиль, этого жеребенка, сказалъ ему мой бывший хозяинъ. — Люби его, какъ сына! И пусть онъ будетъ тебѣ вѣрный другъ!

— Я назову его Азрекъ, отвѣтилъ гость, — что значитъ маленькій Азраиль. Ты видишь, что я даю ему то самое имя, которое самъ носилъ въ дѣтствѣ.

И съ той поры я сталъ называться Азрекомъ.

Удивленная мать заржала мнѣ вслѣдъ, я отвѣтилъ ей жалостнымъ ржаньемъ, но дѣлать было нечего, и я покорно послѣдовалъ за своимъ новымъ хозяиномъ. Я часто обращивался и при свѣтѣ вспыхивавшей зарницы еще долго видѣлъ двѣ бѣлѣвшіяся фигуры моего бывшего хозяина и матери, стоявшихъ у палатки и провожавшихъ меня куда-то далеко.

Къ утру мы пришли въ большое арабское селеніе съ бѣлыми каменными домами и съ высокими

пальмами, около которыхъ струилась вода. Небо было такъ сине и дома были такъ бѣлы, что отъ яркости солнца на нихъ больно было смотрѣть. Мужчины, женщины и дѣти обступили меня со всѣхъ сторонъ, стали похлопывать меня по шеѣ и по спинѣ и я услышалъ восклицанія:—

— Вотъ такъ жеребенокъ! Это не жеребенокъ, а прекрасный лебедь, это не лошадь, а будущій левъ!

Когда поутихли восторги и всѣ разошлись, то хозяинъ отвелъ меня въ прохладное помѣщеніе и тамъ я долго отдыхалъ. Маленькая дѣвочка лѣтъ четырехъ прибѣгала ко мнѣ и смотрѣла на меня радостными и въ то-же время удивленными глазами.

— О, Наина, сказалъ ей мой хозяинъ,—зачѣмъ ты не мальчикъ, а дѣвочка? Почему меня не благословилъ сыномъ Пророкъ и онъ умеръ такимъ прекраснымъ юношей, какъ этотъ жеребенокъ среди лошадей! Теперь-бы онъ ухаживалъ за нимъ, ласкалъ-бы его и воспитывалъ-бы его для себя. О Наина, зачѣмъ ты не мальчикъ?

Каждый день хозяинъ отводилъ меня на пастбище, чистилъ меня и держалъ въ холѣ. Онъ кормилъ меня отборнымъ зерномъ, поилъ меня чистой холодной водой и относился ко мнѣ съ такими нѣжностью и любовью, какихъ не видала отъ него его дочь Наина. И

все время дѣвочка была около меня, она смотрѣла на меня восторженными глазами и часто, когда уходилъ ее отецъ, она прижималась щекой къ моей груди и съ грустью говорила:

— Ахъ, Азрекъ, зачѣмъ я не мальчикъ?

Когда мнѣ минуло два года, то хозяинъ положилъ мнѣ на спину сѣдло и такъ я проходилъ подъ сѣдломъ цѣлый годъ. Такъ онъ приучалъ меня къ будущему сѣдоку. Иногда Наина взлѣзала на меня и я бѣгалъ по улицѣ, а она радостно, по-дѣтски, визжала. Я любилъ эту дѣвочку. Я привязался къ ней съ первой-же нашей встрѣчи и скорбѣлъ вмѣстѣ съ нею, что она не мальчикъ. Съ какимъ-бы восторгомъ я носилъ ее тогда на себѣ! Когда мнѣ исполнилось четыре года, то на мнѣ сталъ прогуливаться иногда хозяинъ, въ шесть лѣтъ—я уже былъ совсѣмъ взрослой лошадью, а въ семь—я сталъ уже постояннымъ верховымъ конемъ своего хозяина. Въ это время Наинѣ минуло уже девять лѣтъ и когда я долго не видался съ ней, то начиналъ скучать по ней, скучала по мнѣ и она.

— Семь лѣтъ я отдалъ тебѣ, сказалъ мнѣ однажды хозяинъ.— Теперь я возьму семь лѣтъ отъ тебя: ты долженъ мнѣ служить. Послѣ семи лѣтъ я предоставлю тебѣ покой.

И онъ сталъ развѣзжать на мнѣ далеко, дѣлалъ на мнѣ набѣги на сосѣднія негрскія племена, — и я служилъ ему такъ, что приводилъ его въ восторгъ.

-- Ты бѣжишь быстрѣе бури, говорилъ онъ мнѣ, — ты видишь въ темнотѣ, какъ орелъ, ты ловокъ, какъ ласточка. Ты мнѣ не конь, а другъ и сынъ!

Я понималъ всѣ его желанія, я угадывалъ ихъ еще раньше, чѣмъ онъ ихъ проявлялъ. Когда-же послѣ долгаго отсутствія я видѣлъ Наину, то, замѣчая еще издали ея улыбку, я радостно ржалъ. Она выходила ко мнѣ, кормила меня хлѣбной лепешкой, поила ключевой водой и цѣловала меня между поздрей.

-- О, мой Азрекъ! говорила она и ея голосъ дрожалъ отъ слезъ. -- Зачѣмъ я не юноша! Какъ-бы я каталась тогда на тебѣ верхомъ!

Однажды въ наше селеніе пріѣхалъ какой-то блѣднолицый молодой человекъ. Щеки у него были впалыя и въ глазахъ свѣтилась какая-то странная грусть. Онъ кашлялъ и это причиняло ему боль. Онъ явился къ намъ изъ ближайшаго городка, съ берега моря, гдѣ жило много блѣднолицыхъ людей.

— Это больной, говорили наши арабы. — Онъ пріѣхалъ въ нашъ городъ изъ Европы, потому что у него въ груди неизлечимый недугъ. Онъ нѣженъ, какъ дѣвушка, и хрупокъ, какъ тростникъ. Это — мо-

лодой французъ. Онъ пріѣхалъ сюда, что-бы вылечиться у насъ отъ своей болѣзни.

Этотъ молодой французъ остановился на отдыхъ у насъ, такъ-же восторгался мною, какъ и всѣ, и когда уѣзжалъ отъ насъ обратно, то далъ моему хозяину золотую монету; хозяинъ остался этимъ очень доволенъ.

— Навѣрное, онъ очень богатъ... сказалъ онъ Наинѣ.

Молодой французъ сталъ часто навѣщать насъ. То онъ пріѣзжалъ въ селеніе въ экипажѣ, то на конѣ, то верхомъ на ослѣ. И всякій разъ онъ останавливался у насъ, дарилъ Наинѣ то серьги, то браслетъ, а съ моимъ хозяиномъ всегда расплачивался золотой монетой.

— Мнѣ нравится ваша дикая, свободная жизнь, говорилъ онъ всякій разъ, прощаясь съ хозяевами. -- Какъ-бы я хотѣлъ быть такимъ-же простымъ арабомъ, какъ и вы!

Видя, какъ хорошо онъ расплачивался за пріютъ и какіе дарилъ подарки Наинѣ, наши сосѣди стали говорить: —

— Онъ, навѣрное, очень богатъ!.. Хорошо-бы его ограбить и убить!..

— Но вѣдь онъ нашъ гость!.. возражалъ на это мой хозяинъ. — Развѣ вы не знаете, что подъ видомъ гостя къ намъ всегда приходитъ Пророкъ?

— Онъ гость твой, а не нашъ... отвѣчали ему сосѣди. — Для насъ

онъ французъ, слѣдовательно, нашъ врагъ.

Однажды, когда нашъ гость возвращался отъ насъ вечеромъ къ себѣ въ городъ одинъ на ослѣ, ко мнѣ въ конюшню вдругъ неожиданно вошелъ мой хозяинъ Азраилъ.

— Азрекъ, обратился онъ ко мнѣ, — наши сосѣди хотятъ сегодня убить француза, когда онъ будетъ проѣзжать по пустынѣ, и ограбить его. Три всадника уже взяли ружья и отправились впередъ, чтобы подстеречь его въ засадѣ. Мы должны съ тобой его спасти!

Я понялъ его съ перваго-же его слова.

Онъ взялъ ружье, осѣдлалъ меня, вскочилъ на меня и мы, какъ стрѣла, помчались въ догонку. Скоро мы догнали нашего гостя. Онъ медленно ѣхалъ на своемъ ослѣ, было уже прохладно и яркія звѣзды одна за другой стали зажигаться на небѣ. Повидимому, онъ не спѣшилъ и наслаждался тихимъ вечеромъ.

— Путникъ, обратился къ нему мой хозяинъ. — Трое изъ моихъ сосѣдей хотятъ тебя ограбить и убить. Имъ стало завидно, что ты богатъ и добръ. Они уже выѣхали впередъ, чтобы подстеречь тебя, но я еще не знаю, гдѣ они сейчасъ. Слѣзай скорѣе съ осла и надѣнь на себя мою одежду. Вотъ тебѣ мой конь. Садись на него и скачи поскорѣе домой. Я же на-

дѣну твою одежду, сяду на твоего осла и пусть мои сосѣди примутъ меня за тебя.

— Но какъ-же я возвращу тебѣ твоего коня? спросилъ французъ.

— Я поѣду на твоёмъ ослѣ слѣдомъ за тобой, отвѣтилъ мой хозяинъ, — приѣду къ тебѣ въ городъ и возьму отъ тебя коня.

Они переодѣлись, французъ вскочилъ на меня и я, какъ вихрь, помчался съ нимъ черезъ пустыню въ городъ. Полчаса спустя, мы были уже въ городѣ. Французъ привязалъ меня къ своему крыльцу и сталъ дожидаться, когда приѣдетъ мой хозяинъ. Но онъ не являлся цѣлые два часа. Тогда я встревожился, почувалъ недоброе, рванулся, оборвалъ поводъ и со всѣхъ ногъ помчался въ пустыню.

Всходила полная, красная луна, было тихо и своимъ орлинымъ взглядомъ я могъ видѣть на нѣскольکو верстъ кругомъ. Но нигдѣ не виднѣлось моего хозяина, нигдѣ я не видѣлъ его осла. Только что-то странное, похожее на брошенные мѣшки или на камни, лежало далеко впереди и показалось мнѣ подозрительнымъ. Я помчался туда. Это оказались мой хозяинъ въ костюмѣ француза и его осель. Оба они лежали недвижимо на пескѣ. Громкимъ ржаньемъ я ихъ окликнулъ. Но они не шевельнулись. Тогда я убѣдился, что они были мертвы. Я поскакалъ къ себѣ въ селеніе, чтобы

предупредить Наину и ея мать, но засталъ ихъ уже въ слезахъ. Онѣ знали уже обо всемъ. Сосѣди сами явились къ нимъ раньше меня и сказали:—

— Мы хотѣли убить француза и подстерегали его. Но вмѣсто него убили Азраила. Мы не знали, что онъ будетъ такъ одѣтъ и поѣдетъ на ослѣ. Да проститъ насъ Аллахъ!

А затѣмъ потянулись для насъ печальные дни. Послѣ похоронъ моего хозяина его жену и Наину уже некому было кормить, никто уже не зарабатывалъ для нихъ на хлѣбъ и онѣ стали бѣднѣть съ каждымъ днемъ. Черезъ два года они разорились уже совсѣмъ. Напуганный нашими сосѣдями, французъ уже не пріѣзжалъ къ намъ больше никогда и теперь некому было намъ помочь. И насталъ наконецъ день, котораго я такъ боялся и мысль о которомъ заставляла меня страдать: мать Наины рѣшила меня продать.

Все время Наина была печальна, часто слезы катились изъ ея черныхъ глазъ по смуглымъ, загорѣвшимъ щекамъ, она глубоко вздыхала. Затѣмъ она вышла ко мнѣ, надѣла на меня уздечку, заплакала около меня и вывела меня изъ стойла.

— Пойдемъ, Азрекъ! сказала она.— Здѣсь ни у кого нѣтъ столько денегъ, чтобы купить тебя. Пойдемъ въ городъ!

Она вышла, за нею пошелъ и я.

Всю дорогу она не оборачивалась и я могъ только видѣть ея темную съ бѣлыми нашивками одежду. Когда я слышалъ ея рыданія, то ржалъ ей и мнѣ хотѣлось сказать ей:—Зачѣмъ ты идешь по выжженной солнцемъ странѣ? Сядь на меня и поѣдемъ! Отчего ты не поѣшь, какъ прежде? Отчего не остановишься и не потреплешь меня по шеѣ?

Такъ мы дошли до города и остановились тамъ на базарѣ.

— Сколько ты просишь за эту лошадь? вдругъ спросилъ какой-то молодой господинъ.

Я вздрогнулъ. Я узналъ его. Это было тотъ самый французъ, который два года тому назадъ пріѣзжалъ къ намъ въ гости и дарилъ Наинѣ подарки. Теперь ужъ онъ былъ здоровъ, его щеки были румяны и глаза его весело блистали. Я узналъ его, но онъ не узналъ ни Наины, ни меня. Она тоже не узнала его. Онъ ласково потрепалъ меня по шеѣ и повторилъ:—

— Дѣвочка, сколько ты просишь за этого коня?

Наина опустила глаза. Она боялась продешевить.

— Сто золотыхъ... робко отвѣтила она.

— Только всего? изумился онъ.

— Столько приказала мнѣ запросить за лошадь мать. Но и это много!

— Хочешь, я дамъ тебѣ вдвое больше?



Она улыбнулась, но потомъ быстро поблѣднѣла.

— Значитъ, ты не хочешь мнѣ продать коня?

— Нѣтъ, отвѣтила она и слезы потекли у нея по щекамъ. — Если бы вы, господинъ, предложили мнѣ меньше, то я не согласилась бы продать моего коня и увела бы его назадъ, а теперь я должна вамъ его уступить.

Французъ засмѣялся на ея наивность.

— Почему же ты не хотѣла бы мнѣ его продать?

— Потому что я люблю его и... и онъ меня тоже любить.

Она уже не думала ни о золотѣ, которое ей отсчитывалъ молодой французъ и которое ее обогащало такъ, какъ ни одну арабку въ нашей странѣ, ни о матери, которая ждала ее дома съ нетерпѣніемъ и будетъ теперь радоваться этимъ деньгамъ; ее ужаснула въ эту минуту разлука со мною и она припала щекой къ моей мордѣ и стала цѣловать меня между ноздрей. Я лизалъ ее, трогалъ ее за щеки своими мягкими губами и старался ее утѣшить. Но она еще долго не могла со мной разстаться.

Наконецъ, съ двумя-стами золотыхъ, съ этимъ неожиданнымъ богатствомъ для такой бѣдной дѣвушки, какъ она, она отвернулась, передала незнакомцу, не глядя, уздечку и побрела домой. Я еще

долго смотрѣлъ ей вслѣдъ и ржалъ. Она не оборачивалась и бѣжала бѣгомъ назадъ.

На слѣдующее утро, едва только стало свѣтать, какъ я уже вырвался изъ конюшни моего новаго хозяина и убѣжалъ. Когда я прибѣжалъ къ своему селенію, то въ немъ всѣ еще спали. Я просунуль голову въ окно къ Наинѣ и радостно, весело заржалъ. Она проснулась, вскочила и, думая, что это сонъ, стала протирать себѣ глаза. Я заржалъ еще разъ.

— Азрекъ! взвизгнула она. — Мой милый, дорогой другъ Азрекъ!

Я бѣжалъ быстро, былъ весь въ мылѣ и въ пыли. Она выскочила ко мнѣ, стала меня чистить, и ласкать, а я, высунувъ свой розовый, длинный языкъ, слизывалъ съ ея щеки соленыя слезы, струившіяся у нея изъ глазъ.

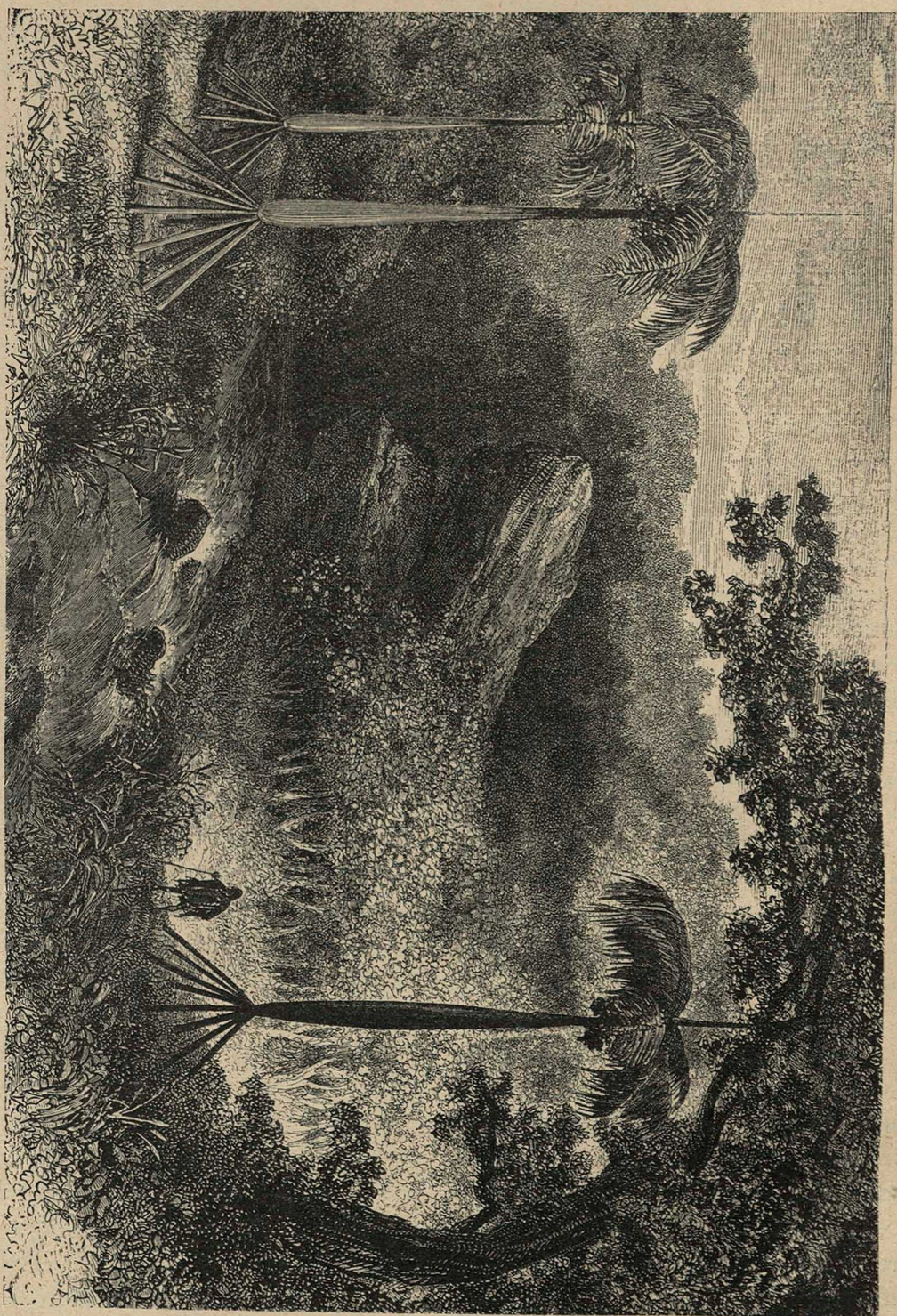
Затѣмъ наступилъ жаркій день. Наина часто приходила ко мнѣ въ стойло и кормила меня то лепешкой, то овсомъ. Когда же жара свалила и по селенію потянулись длинныя тѣни, то она опять надѣла на меня уздечку и вывела меня изъ стойла.

— Пойдемъ, Азрекъ!.. сказала она.

И она опять повела меня въ городъ. Отыскавъ тамъ квартиру молодого француза, она вызвала его и передала ему меня.

— Не сердитесь на меня, господинъ, сказала она. — Я получила

Распительность въ Южной Америкѣ (деревья, изъ которыхъ добывается хина).





Больные у своего доктора.

С. СЕРГЕЕВЪ  
ИЗЪ РИСКУ И ЧЕСТИ

отъ васъ деньги, но не виновата въ томъ, что эта лошадь прибѣжала къ намъ назадъ. Ее надо привязать покрѣпче.

Говоря это, она плакала. Молодой человѣкъ въ это время читалъ какое-то письмо и, повидимому, вовсе ея не слушалъ. Его лицо сначала омрачилось печалью, а затѣмъ вдругъ просвѣтлѣло.

— Ахъ, это ты, дѣвочка? удивился онъ.—Ты привела лошадь назадъ? Это хорошо... Это хорошо, что ты такъ честна! Но куда-же мнѣ ее теперь дѣвать? Теперь она меня только стѣснить!.. Она мнѣ сейчасъ вовсе не нужна!

— Какъ не нужна? обрадовалась Наина. — Вы не хотите ее брать?

— Я сейчасъ получилъ отъ матери письмо, отвѣтилъ онъ,—она захворала и зоветъ меня немедленно къ себѣ. Я завтра-же уѣзжаю во Францію, домой!

— А какъ-же быть съ деньгами? спросила Наина.

Я трепеталъ отъ радости.

— Съ деньгами? переспросилъ молодой человѣкъ.— Съ какими деньгами?

— А съ тѣми, которыя я получила отъ васъ вчера...

Онъ положилъ письмо въ карманъ, сошелъ со ступенекъ внизъ и весело потрепалъ ее по щекѣ.

— Ты честная дѣвочка, сказалъ онъ.—Возьми ихъ себѣ за честность.

А затѣмъ онъ отвязалъ меня отъ

столбика крыльца и всунулъ ей въ руку поводъ.

— Возьми себѣ и коня, продолжалъ онъ.—Иди-же и постарайся быть счастливой!

И Наина, и я стояли въ удивленіи и не вѣрили своимъ ушамъ.

— Иди-же, дитя мое, иди! продолжалъ господинъ.—Точно такой-же конь спасъ меня когда-то отъ смерти и точно такая-же дѣвочка, какъ ты, когда-то поила меня молокомъ и напоминала мнѣ родную сестру, которую я оставилъ дома. До сихъ поръ я ихъ ничѣмъ еще не отблагодарилъ. Возьми-же этого коня и тѣ деньги, которыя я тебѣ далъ, и будь здорова!

Онъ весело взбѣжалъ по ступенямъ въ домъ и затворилъ за собою дверь.

Наина и я еще долго стояли у крыльца и не знали, что дѣлать. Теперь ужъ она больше не плакала. Она подняла съ благоговѣніемъ глаза къ небу, а затѣмъ опустила на землю и поцѣловала каждый слѣдъ, по которому ступала нога француза.

Потомъ мы отправились домой. Была уже ночь, свѣтили звѣзды, потягивалъ съ сѣвера вѣтерокъ и неслышно летали ночныя птицы. Но мы не замѣчали вокругъ себя красоты этой пустынной ночи и были заняты только самими собой. Мы были довольны и нашему счастью, казалось, не было границъ.

Гальмаръ.



## НА ЛѢСНОЙ ПОЛЯНКѢ.

Нѣмой тишиною вся роща  
объята...  
Тихонько по снѣгу тропинкой  
иду,  
Вдали догораетъ полоска заката,  
И вижу я первую въ небѣ звѣзду.  
Межъ стройныхъ березокъ и со-  
сенъ пушистыхъ  
Снѣгъ ярко - блестящей лежитъ  
пеленой...  
Какъ много бываетъ цвѣтовъ здѣсь  
душистыхъ!  
А вотъ и полянка любимая мной!  
На этой полянкѣ весной, бывало,  
Мы часто съ сестренкой сплетали  
вѣнки,

На травкѣ такъ много стрекозъ  
танцевало,  
Свои хороводы вели мотыльки...  
Надъ кашкой работница - пчелка  
гудѣла,  
Комаръ свою пѣсню визгливо  
тянулъ,  
А ясное солнышко съ неба глядѣло,  
И пѣніе пташекъ сливалось въ  
гуль!..  
Нѣмой тишиною вся роща объята,  
И снѣгомъ полянку мою замело,  
Не вѣрится какъ то, что прежде  
когда-то  
Здѣсь все такъ прекрасно и пышно  
цвѣло!..

А. Н.



## ӨЕДИНЬКА.

При домѣ былъ запущенный садъ, съ заросшими травой дорожками, густой сиренью, и высокими березами съ галочьими гнѣздами на вершинахъ. Въ глубинѣ сада стояла полуразрушенная бесѣдка въ выбитыми стеклами. Намъ очень нравилось въ ней и все время мы проводили въ саду. Мой старшій кузень Миша былъ мальчикъ лѣтъ 15-ти, веселый, высокій и очень сильный. Когда приходили къ нему товарищи, то на насъ „мелкоту“ онъ не обращалъ никакого

вниманія. Но когда онъ бывалъ одинъ, то становился совсѣмъ другимъ: никто лучше его не умѣлъ выдумать игры, никто не бѣгалъ такъ быстро и не сочинялъ такихъ забавныхъ штукъ. Его слово было закономъ.

Когда, бывало, заспорятъ младшіе, довольно сказать: „такъ Миша велѣлъ“—и дѣло сейчасъ же улаживалось. Но главнымъ моимъ другомъ былъ другой кузень—двѣнадцатилѣтній Саша. Съ нимъ у насъ было все общее: и тайны,

и рѣдкія марки, и книги, и краски. Мы очень любили, бывало, забраться съ нимъ въ старую бесѣдку. Тамъ, въ полумракѣ, среди паутины и плѣсени полусгнившихъ досокъ, мы цѣлыми часами мечтали о далекихъ странахъ, куда поѣдемъ, когда вырастемъ, о разныхъ диковинныхъ приключеніяхъ, героями которыхъ мы будемъ. Мои два родные брата—Коля и Вася—были тоже веселые сорванцы, но будучи младшими среди насъ, находились въ нѣкоторомъ добровольномъ повиновеніи.

Въ общемъ жилось привольно и беззаботно, всѣ свободные часы были полны веселыхъ затѣй, такъ что даже Миша иной разъ, собираясь въ праздникъ куда нибудь въ гости, вдругъ говорилъ нерѣшительно:

— А то развѣ остаться?—

— Оставайся! оставайся!—кричали мы.

— Будь по вашему!—охотно соглашался онъ.—Ну, тогда времени нечего терять, айда въ садъ!..

Но вотъ въ нашъ кружокъ судьба послала новаго товарища. Какъ то вечеромъ отецъ объявилъ, что завтра пріѣзжаетъ къ намъ новая экономка, Амалія Васильевна, и что при ней будетъ жить ея воспитанникъ, пріемышъ мальчикъ лѣтъ 11-ти.

— Надѣюсь, вы не станете обижать его?—серьезно добавилъ папа.

Мы переглянулись съ смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и сожалѣнья, что кто-то новый нарушитъ нашу тѣсную связь.

— Конечно, не станемъ!—тихонько отвѣтила я за всѣхъ.

На утро, не успѣла еще я одѣться, какъ запыхавшись ворвались ко мнѣ братья.

— Пріѣхали! Пріѣхали!—кричалъ Вася.

— Толстая какая! Какъ бочка!..—перебилъ Коля.—А мальчикъ смѣшной, будто дѣвочка!..

Спустившись сверху, мы увидѣли полную даму съ крупнымъ краснымъ лицомъ. Около нея стоялъ тоненькій мальчикъ, прозрачноблѣennyй, въ узкой, черной курточкѣ и нескладныхъ брючкахъ.

— Ну вотъ, позвольте вамъ представить нашу молодежь!—сказалъ папа и началъ называть насъ по именамъ. Амалія Васильевна пристально взглядывала намъ прямо въ глаза. Потомъ она кивнула головой въ сторону мальчика.

— А это мой Ѳединька! сказала она.—Онъ мальчикъ скромный и ничего худого вамъ не сдѣлаетъ.

Все время, пока мы завтракали, мы украдкой поглядывали на новаго товарища, но онъ сидѣлъ за нашимъ же столомъ, не подымалъ глазъ, и только все ярче разгорались его щеки.

Послѣ завтрака я подошла къ Амаліи Васильевнѣ.

— Позвольте, пожалуйста, Оединькѣ пойти съ нами въ садъ! — не смѣло сказала я.

— Нѣтъ! коротко отрѣзала она. — Онъ долженъ помогать мнѣ раскладывать вещи!

Мы разочарованно переглянулись, затѣмъ помчались въ садъ, забрались на дальнюю лавочку и перевели духъ.

— Карга старая!.. Вѣдьма нѣмецкая!.. — проворчала Миша, чувствуя, что мы ждемъ его первого слова.

— Да! Она, кажется, препротивная! — согласился Саша.

— И Оединька этотъ тоже дуракъ! — глубокомысленно замѣтил Вася.

А Колька запрыгалъ на одной ножкѣ и запѣлъ:

Оедя—медя!

Сѣлъ медвѣдя!..

— Замолчи ты, глупый мальчишка! — крикнула я. — Какъ тебѣ не стыдно? Развѣ тебѣ его не жалко? Навѣрно, она злющая мучаетъ этого бѣднаго Оедю!

— Да, пожалуй! задумчиво согласился Саша и вдругъ его большіе глаза блеснули: — Знаете, что, господа? продолжалъ онъ: — Давай-те его спасать!

— Давайте! Давайте! — радостно воскликнули мы. — Будемъ звать его съ нами сюда играть, приведемъ его сюда...

— Да, да! Я ему свой лукъ подарю! — живо сказалъ Коля.

— И марокъ можно... двойныхъ... отозвался Вася.

— Хорошо, озабоченно отвѣтилъ Саша, — но главное, слѣдите, чтобъ его не обижала эта Амалія!

Съ тѣхъ поръ, ничего не подозревавшая Амалія Васильевна попала подъ нашъ негласный надзоръ. Первое время то и дѣло, то одинъ, то другой, появлялся на порогѣ ея комнаты и наскоро придумывалъ причину своего появления.

Оединька весь день смиренно сидѣлъ противъ своей воспитательницы за большимъ, рабочимъ столомъ и въ то время, какъ мы бѣгали и много рѣзвились, тихо, не поднимая головы, сидѣлъ за книгой или-же вязалъ по приказанію Амаліи Васильевны на рогулькѣ безконечный шнурокъ, который, кажется, былъ такой длины, что можно было-бы протянуть черезъ весь городъ.

Когда ктонибудь изъ насъ появлялся на порогѣ, то онъ быстро взглядовалъ ясными голубыми глазами и опять поспѣшно опускалъ голову и краснѣлъ.

— Амалія Васильевна! упрасивали мы. — Позвольте Оедѣ въ садъ идти: мы тамъ дорожки размещаемъ! — или: — Мы въ жмурки въ залѣ играемъ, можно и Оедѣ съ нами?

Но отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ-же:

— Оединька — бѣдный мальчикъ. Ему не нужно играть!

Постоявъ минутку въ неловкомъ молчаніи, мы тихо уходили, нахмурившись и недовольные.

По вечерамъ происходилъ торжественный обходъ всего дома. Впереди на цыпочкахъ (онъ всегда ходилъ такъ) шелъ Ѳединька со свѣчей въ рукѣ. За нимъ, гремя ключами, шествовала Амалія Васильевна. Она осматривала, хорошо ли заперта входная дверь, запирали буфеты и кладовыя, проходила по всѣмъ комнатамъ, заглядывала въ умывальники, поправляя то здѣсь, то тамъ одѣяло или неровно спущенную штору.

Иногда она посылала куда-нибудь Ѳединьку: то сахару въ сахарницу насыпать, то банку варенья принести изъ кладовой, или отъ прачки стопку бѣлья.

Стараясь быть незамѣтнымъ, торопясь, какъ робкая мышка, дѣлалъ мальчикъ свое дѣло.

Иногда, когда онъ шелъ мимо, пала задерживалъ его на мгновенье и добродушно похлопывалъ по плечу,

Мальчикъ робко ежился, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда его отпустятъ.

— Ну, ужъ, иди иди, горемыка! — говорилъ папа и, когда онъ исчезалъ, прибавлялъ недовольно; — Бѣдный мальчикъ! — Совсѣмъ загоняла его эта нѣмка!

— Она злая? допытывалась я. — Папочка, какъ ты думаешь? Она злая?

Но папа только пожималъ плечами.

Разъ какъ то я расхрабрилась и пристала болѣе настойчиво:

— Амалія Васильевна, почему вы никогда не пускаете съ нами Ѳедю? Мы вѣдь его не обидимъ!..

Она перестала вязать и пристально посмотрѣла на меня сверхъ очковъ.

— Онъ былъ нищій, отвѣтила она, — онъ на улицѣ милостыню просилъ, когда я его взяла... У него нѣтъ родителей. Его полиція хотѣла въ пріютъ помѣстить, но я сжалилась и сказала: „не надо! я беру его къ себѣ!“ Онъ больной былъ, грязный, весь въ болячкахъ. Я сама небогатый человѣкъ, кушаю свой трудовой, честный кусокъ хлѣба и мнѣ должно и его пріучать къ тому-же. Бѣдному мальчику не надо веселиться вовсе, ему надо привыкать работать. И онъ долженъ меня уважать и всю жизнь мнѣ быть благодарнымъ, потому что безъ меня онъ бы погибъ!

Я невольно взглянула на Ѳединьку: онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову, и на его длинныхъ рѣсницахъ дрожали слезы.

Съ смущеннымъ сердцемъ вышла я отъ нихъ.

Мнѣ было такъ жалко мальчика! Время шло и по немножку мы свыклись съ судьбою Ѳеди. У насъ оказывалось столько интереснаго дѣла, что какъ-то некогда было много думать все объ одномъ и



томъ-же. И все рѣже стали мы заглядывать къ Амаліи Васильевнѣ, все равнодушнѣе глядѣли на хуленькаго, молчаливаго мальчика.

Но разъ случилось необыкновенное событіе.

Стояла легкая февральская погода, послѣ метелей насыпало много рыхлаго снѣга и, на радостяхъ, мы увлекались игрой въ снѣжки.

Быль праздникъ и мы, радостные и оживленные, высыпали на дворъ.

— Эхъ, бѣдный Оедя! еказаль Саша.—Сидить въ комнатѣ съ этимъ дурацкимъ шнуркомъ!

— Пойдемъ, попросимъ, чтобъ его пустили! — воскликнула я.

— Всѣ, всѣ пойдемъ! — раздались голоса.

Внося запахъ морознаго воздуха, мы шумной ватагой ввалились въ комнату Амаліи Васильевны. Она удивленно подняла на насъ глаза.

— Бѣдный мальчикъ не долженъ веселиться и играть... начала было она, но мы закричали ура и, точно сговорившись, въ одинъ мигъ вытащили изъ комнаты недоумѣваваго, задыхающагося Оедю. Одинъ натягиваль ему пальто, другой нахлобучиваль шапку, третій торопливо объясняль условія нашей игры.

Когда мы очутились на дворѣ, на Оедю напаль какой-то столбнякъ: растерянно улыбаясь, онъ поглядываль по сторонамъ и ни

чего не отвѣчалъ на наши заговариванья.

Въ эту минуту кто-то изъ насъ бросиль въ него огромный, рыхлый комъ снѣга и удариль имъ его въ грудь и обдалъ холодной пылью все его лицо. Онъ вдругъ точно проснулъся, ахнулъ, обрадовался и, жадно набирая обѣими руками снѣгъ, принялся его кидать въ кого попало.

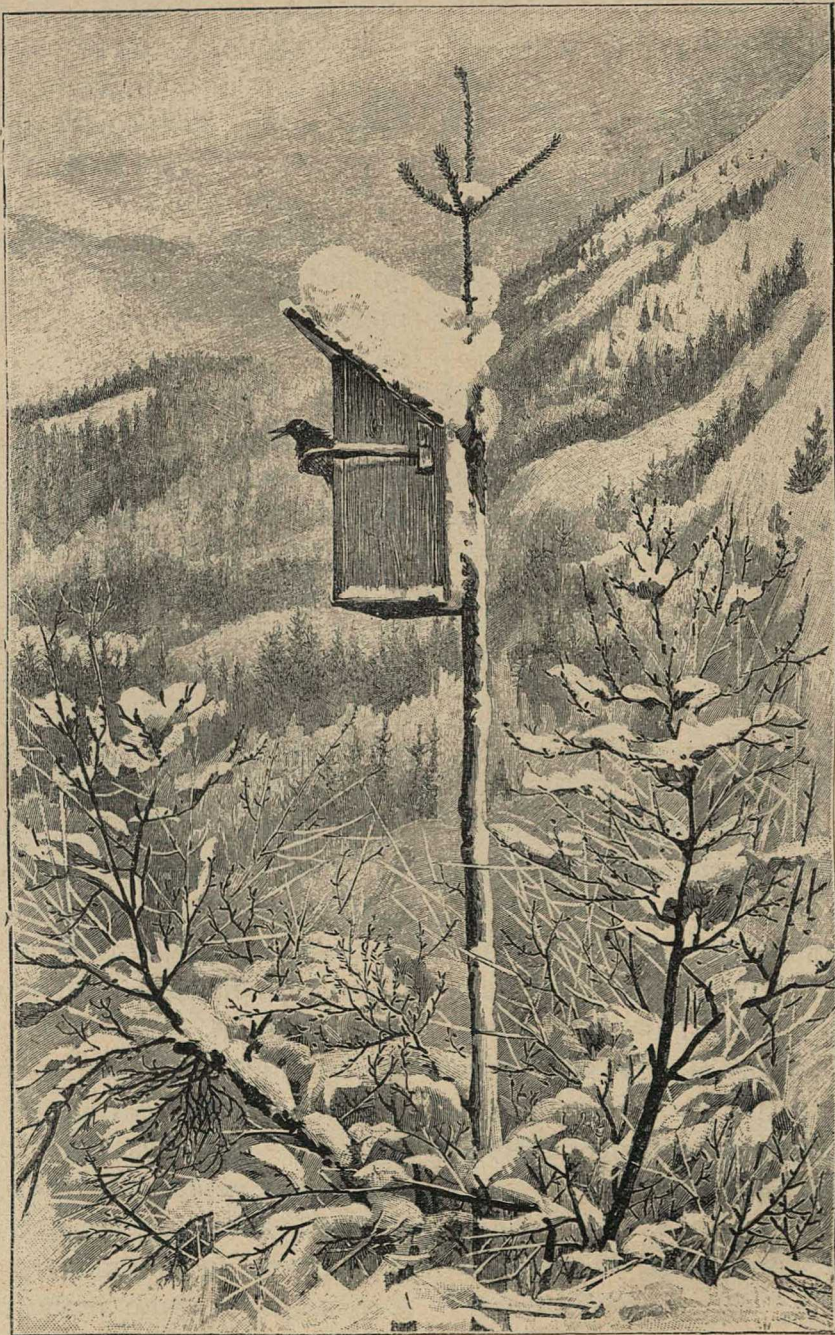
— Стой! стой! — хохотали и кричали мальчики, увертываясь отъ его ударовъ.—Вѣдь мы еще не подѣлили, кто въ какой партіи! Ну, пусть ты будешь съ Колей и Васей, а Маня со мной! — объясняль ему Саша.—Только у насъ правило: въ лицо не попадать и льдомъ не кидать! Ну, берегись!

Игра началась. Скоро Оедя сдѣлался отъ радости совсѣмъ, какъ пьяный. Лицо его пылало, глаза блестѣли, шапочка свалилась. Дико взвизгивая, онъ поспѣшно лѣпилъ снѣжки и кидаль ихъ въ насъ съ Сашей съ невѣдомо откуда взяшейся силой.

— Оедя! ты перешель черезъ линію! Сюда нельзя: это нашъ лагерь! — кричалъ ему Саша, но онъ, казалось, ничего не слышалъ. Вдругъ сильный ударъ въ лицо заставиль меня вскрикнуть отъ боли и я закрыла лицо руками.

Что то теплое потекло по щекѣ. Отнявъ руку, я увидала на перчаткѣ кровь.

— Кровь! у тебя рана подѣ



Скворцы прилетѣли..



На цѣ оксана.

глазомъ! — испуганно закричалъ Саша. — Ты, Одея, бросилъ льдомъ! Смотри, что ты надѣлалъ!

Забывъ битву, Коля и Вася подбѣжали къ намъ.

А Одея, весь поблѣднившій, застылъ на мѣстѣ и опустилъ руки.

Онъ былъ такъ жалокъ въ эту минуту, что я постаралась ему улыбнуться.

— Ничего! Не бѣда! сказала я. — Пройдетъ! Надо только снѣгу приложить!

Но кровь все шла и капала на шубку и мы пошли домой за помощью. О Оедѣ мы позабыли.

Мнѣ сдѣлали примочку и скоро боль утихла, но лицо съ одной стороны сильно опухло и рѣзко виднѣлась багровая полоса.

Въ такомъ некрасивомъ видѣ пришлось спуститься вечеромъ въ столовую.

Одея уже стоялъ на обычномъ мѣстѣ, рядомъ съ Амаліей.

Онъ бросилъ на меня быстрый взглядъ, полный ужаса и тоски.

— „Не надо ничего говорить Амаліи...“ мелькнуло у меня въ головѣ.

— Гдѣ-жъ это такъ ушиблась наша Манечка? — всполошилась вдругъ Амалія Васильевна.

— Это Одея... сказалъ кто-то изъ насъ нерѣшительно и добродушно.

— Оединька? — удивилась Амалія и зорко посмотрѣла на своего питомца.

— Онъ нечаянно! Нечаянно! — закричали мы наперерывъ, испугавшись за Оеду.

Она ничего не отвѣтила, только поджала губы, за весь обѣдъ не проронила больше ни слова и тотчасъ-же по его окончаніи удалась въ свою комнату.

Мы собирались уже расходиться, какъ вдругъ тонкій, жалобный крикъ заставилъ насъ всѣхъ настрожиться.

Въ ту же минуту въ комнату влетѣлъ Коля, весь красный и дрожа.

— Она его бьетъ! заговорилъ онъ со слезами и съ испугомъ. — Я былъ въ корридорѣ и видѣлъ... Она его бьетъ!.. По лицу!..

Не помню какъ, я очутилась въ комнатѣ у Амаліи Васильевны. Грузная, красная, она стояла передъ Оедой, который, весь трепеща, зажималъ неестественно красную щеку.

— Амалія Васильевна, не бейте его! закричала я, цѣпляясь за ея толстыя, жесткія руки. — Онъ не виновать!

Но она рѣшительно отстранила меня отъ себя.

— Я его добру учу! сурово сказала она. — Если его не наказывать, то изъ него выйдетъ дрянь, а не человекъ.

У меня закружилась голова, въ горлѣ стояли рыванья и я уже не знаю, чѣмъ-бы кончилась вся эта сцена, еслибъ въ эту минуту не вошелъ отецъ.

— Иди къ себѣ, Маня!—строго сказалъ онъ мнѣ, настойчиво вы-проводилъ меня изъ комнаты и прикрылъ за мной дверь.

За нею послышались голоса.

— Что тамъ?—нетерпѣливо подскочилъ ко мнѣ Саша.

— Не знаю... туда папа пошелъ... отвѣтила я. — Она гадкая, злая... Ненавижу ее...

Мы молча прошли въ столовую. Коля и Вася, притихшіе и испуганные, смотрѣли на меня вопросительными глазами, Миша, хмурый, большими шагами ходилъ взадъ и впередъ и ворчалъ что-то въ полъголоса.

Прошло, пожалуй, съ полъ-часа, но мы все еще не рѣшались разойтись.

Вдругъ дверь отворилась и къ намъ вышелъ отецъ. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ. Всѣ мы

живо обернулись къ нему. Онъ медленно обвелъ насъ глазами, подождалъ мгновенье и затѣмъ спокойно сказалъ:

— А, знаете, ребятки, что я надумалъ? Мы оставляемъ Федю у насъ.

— Неужели?!—разомъ воскликнули всѣ мы въ одинъ голосъ.

И въ восторгѣ я кинулась къ нему на шею.

— Милый папочка, дорогой! закричала я.—Какъ это ты хорошо придумалъ. Вотъ хорошо-то!

Мальчики сіяли и тоже толпились вокругъ отца, Миша пожималъ ему крѣпко руку.

А на другой день Амалія Васильевна собрала всѣ свои пожитки и оставила нашъ домъ. Послѣ нея у насъ прибавился новый братъ, съ которымъ мы не разставались уже никогда.

М. Толмачева.



## ОТТЕПЕЛЬ.

Сосульки съ крышъ роняють слезы, Ужъ на проталинахъ видна,  
 Блестятъ на солнышкѣ ручьи, Темнѣеть снѣга пелена,  
 На вѣткахъ ольхи и березы Идетъ весна, идетъ весна,  
 Живѣй щебечуть воробьи... Все пробуждается отъ сна  
 Земля съ травю прошлагодней И какъ-то дышется свободнѣй!..

А. Н.



## ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

По пріѣздѣ въ Миланъ, бабушка Наталія Кирилловна не могла всю ночь уснуть. То ей было холодно, то жарко, она ворочалась на кровати; но для нея было ясно, что она не могла уснуть отъ двухъ причинъ: отъ усталости и отъ думъ. Она была старушка и проѣхать столько верстъ, да еще съ такими приключеніями, для нея было тяжело, а радостныя думы о томъ, что теперь у нея есть дѣвочка, которую она воспитаетъ, какъ родную внучку, и Костя, который сталъ поправляться у нея на глазахъ, не оставляли ее всю ночь и ей хотѣлось мечтать, загадывать о будущемъ и строить планы. И ей хотѣлось уже обратно, къ себѣ въ Россію, въ свой домикъ съ голубыми воротами, въ которомъ теперь раздастся веселое щебетанье Кати и будетъ наполнена жизнь. Какъ маленькая, она представляла себѣ возвращеніе домой: она воображала себѣ удивленіе Дуняши, когда та увидитъ незнакомаго ребенка и всплеснетъ руками.— „Откуда это, барыня?“ спроситъ она. И бабушка ей загадочно отвѣтитъ:— „Богъ послалъ!“ Потомъ начнутся рассказы, начнется длинное повѣствованіе о томъ, что пришлось бабушкѣ увидѣть и испытать по пути, и она уже представляла себѣ, какъ Дуняша будетъ ужасаться и даже не разъ и не два во время разсказа всхлипнѣть.

„Все-ли у нея тамъ благополучно?“ думала при этомъ бабушка.— „Вытираетъ-ли она съ комода пыль?.. Не разбила-бы чего“...

Бабушка думала, а Костя и Катя, тутъ-же, не далеко отъ нея, спали

крѣпкимъ сномъ. Ей было пріятно, что они были такъ близко отъ нея, и ей казалось, что отъ ихъ дѣтскихъ тѣлецъ идетъ къ ней какая-то милая, лучистая теплота, которая согрѣваетъ ей сердце. Она прислушивалась къ ихъ дыханію и къ словамъ, которыя Костя обыкновенно бормоталъ во снѣ, и часто ихъ крестила.

— Спице, мои милые!.. говорила она.—Спице съ Богомъ!

Но сама она такъ и не смыкала глазъ до утра. Засѣрѣлъ разсвѣтъ, потомъ въ окошкѣ показалась блѣдная синева и городъ мало-помалу сталъ пробуждаться. Зазвонили колокола на церквахъ и это напомнило бабушкѣ Россію: ей захотѣлось помолиться. Она встала, умылась и долго молилась на колѣняхъ и клала земные поклоны. Затѣмъ она посмотрѣла на часы. Было еще только около пяти часовъ утра. Впереди предстояло еще цѣлое утро, цѣлый длинный день, полный бездѣлья,—и это для нея, которая никогда не могла оставаться безъ дѣла и всегда хлопотала по хозяйству.

„И какъ это люди могутъ долго путешествовать“? думала она.

Заржали лошади, зашумѣли голоса и слышно было, какъ на дворѣ стали готовить къ отъѣзду дилижансъ. Бабушка перекрестила дѣтей и вышла.

Солнце еще не всходило, но было уже свѣтло. Летали ласточки и все

еще звонили колокола. Лоренцо и какіе-то еще два итальянца ходили вокругъ дилижанса и лошадей и приготовлялись къ отъѣзду. Какая-то женщина съ чемоданомъ сѣла въ дилижансъ. Когда все уже было готово, то Лоренцо затрубилъ въ рожокъ и полѣзъ на козла.

— Здравствуйте, сеньора! вдругъ крикнулъ онъ, увидавъ бабушку.— Доброе утро!

— Здравствуйте, Лоренцо, отвѣтила она.—Куда это вы собрались?

— Обратнo въ Люцернъ, сеньора! Такова уже наша служба! Вчера изъ Люцерна—сегодня опять въ Люцернъ! Такъ, какъ маятникъ на часахъ! То въ одну сторону, то въ другую!

— Что-же это у васъ всего только одна пассажирка?

— Будетъ много, сеньора, будетъ очень много! Такъ что некуда даже будетъ ихъ сажать. Какъ сардинки въ коробкѣ. Сейчасъ приходитъ поѣздъ изъ Вероны, который немедленно-же отправится далѣе на Геную. Такъ онъ привезетъ съ собою массу пассажировъ, я заѣду сейчасъ прямо на вокзалъ, сеньора, и постараюсь перехватить всѣхъ, кто будетъ ѣхать въ Люцернъ.

Бабушка подумала. Ей тоже нужно будетъ ѣхать сегодня въ Геную и далѣе и теперь уже по желѣзной дорогѣ. Хорошо-бы, если бы поѣздъ отходилъ туда тоже утромъ, тогда ей не пришлось-бы

съ дѣтьми прожить здѣсь цѣлый лишній день! Все таки скорѣе доѣхали-бы до мѣста, прожили-бы тамъ необходимый срокъ, пока не поправился-бы Костя совсѣмъ, и уѣхали бы поскорѣе къ себѣ, въ родную Россію, гдѣ такъ просторно и такъ хорошо и гдѣ такъ привѣтливо смотрять домикъ въ три окна и рядомъ съ нимъ голубыя, веселенькія ворота.

— А въ которомъ часу пойдетъ слѣдующій поѣздъ на Геную? задала бабушка вопросъ.

— Слѣдующій поѣздъ—еще не скоро, сеньора, отвѣтилъ Лоренцо. —У васъ впереди еще цѣлый день!.. Вы еще успѣете отдохнуть! Онъ отправится въ Геную еще въ 7 часовъ вечера!..

Боже мой, еще только въ 7 часовъ вечера! Что-же бабушка будетъ дѣлать здѣсь, на этомъ постояломъ дворѣ, до такой поздней поры? Куда она дѣветъ время? Да она сойдетъ здѣсь съ ума отъ бездѣлья! Шутка-ли, дожидаться здѣсь еще болѣе двѣнадцати часовъ! Не станеть-же она цѣлые часы ходить по Милану изъ улицы въ улицу, виснуть на окнахъ магазиновъ и утруждать о мостовыя свои бѣдныя старческія ноги, которыя и безъ того предъ каждымъ дождемъ такъ и гудуть, такъ и гудуть! Нѣтъ, нѣтъ! Она сейчасъ-же тронется въ дальнѣйшій путь и не станеть дожидаться до вечера!

— Подождите меня, Лоренцо! сказала она на такомъ ломанномъ французскомъ языкѣ, которому засмѣялась даже и сама.—Все пере-забыла, все перезабыла!.. проговорила она потомъ и съ улыбкой пошла къ себѣ въ номеръ.

— Костя! Катя! крикнула она.— Вставайте! Пора! Надо ѣхать!

Катя тотчасъ-же вскочила, протерла глаза и стала на кровати на колѣни. На ней была коротенькая рубашка, дѣлавшая ее похожей на мальчишку. Костя-же повернулся на другой бокъ и укрылся съ головой.

— Костя! Костя! стгла опять будить его бабушка,—Да вставай-же скорѣе! Уже пора! Надо ѣхать! Тюлень!

Костя почамкалъ губами и, не открывая глазъ, отвѣтилъ:— Не желаю!

И снова громко захрапѣлъ.

Бабушка пришла въ ужасъ. Неужели-же Лоренцо уѣдетъ безъ нея? Да она безъ него и не найдеть здѣсь вокзала сама! Она потеряется въ такомъ большомъ городѣ, а главное—послѣ безсонной ночи она положительно не въ состояніи дожидаться здѣсь до вечера слѣдующаго поѣзда. Въ вагонѣ она все-таки хоть немножко подремлетъ и ей будетъ казаться, что она въ дорогѣ, дѣлаеть хоть что нибудь, а здѣсь ее ожидаетъ полное бездѣлье. И боясь, какъ-бы не пропустить дилижанса и не дать ему



уѣхать безъ нея, она снова принялась за Костю.

— Костя! Да вставай-же! умоляла она. — Вѣдь пора ѣхать! Да проснись-же ты, слонъ! Вѣдь дилижансъ уѣдетъ безъ насъ!

Быль еще всего только пятый часъ утра, ей было ужасно жаль будить дѣтей, но ее пугаль предстоящій ей день и хотѣлось воспользоваться случаемъ.

— Вставай, Костенька, теперь уже умоляла она. — Ну, сдѣлай такую милость, вставай!

Катя давно уже одѣлась и умылась, а Костя все еще потягивался и не имѣлъ силы встать. Сладкій, юношескій сонъ окувывалъ всѣ его члены, разливался истомой по всему его тѣлу и ему казалось, что если онъ поспитъ еще хоть одну только минутку, всего только одинъ какой-нибудь моментъ, то ему уже ничего не нужно будетъ впереди и онъ можетъ тогда пожертвовать всѣмъ: и будущимъ, и прошедшимъ, и настоящимъ, но только чтобы именно теперь спать, спать, спать... Но бабушка была неумолима. Она подбѣжала къ умывальнику, омочила полотенце въ холодной водѣ и приложила его Костѣ къ лицу. Не ожидавшій такой ванны, Костя вскочилъ, точно его передернуло отъ электрическаго тока, и сталъ протирать глаза.

— Ну, вотъ давно-бы такъ, улыбнулась бабушка. — А то время-то не ждетъ!

Катя звонко смѣялась. Ей ужасно понравилась эта комедія съ мокрымъ полотенцемъ и хотѣлось, чтобы бабушка приложила его къ Костѣ опять. Но Костя уже вставалъ, натягивалъ на себя сапоги и ему втайнѣ было неловко, что онъ заставилъ бабушку прибѣгнуть къ такому дѣйствующему средству.

Затѣмъ всѣ вышли на дворъ. Лоренцо снова заигралъ въ трубу и принялъ отъ нихъ багажъ. Они сѣли въ дилижансъ и поѣхали на вокзалъ. Громадные колеса загремѣли о мостовую, такъ что трудно было слышать внутри разговоръ. Бабушка, Костя и Катя только улыбались другъ другу и имъ казалось, что всѣ они нарочно шевелили губами, чтобы только сдѣлать видъ, что говорятъ. Выходило солнце и освѣщало громадные мраморные дворцы, попадавшіеся на пути. По прежнему все еще звонили колокола и цѣлая вереница осликовъ, нагруженныхъ овощами, громко стуча копытами, тянулись къ базару. Проходили молочницы, торговцы, тянулись процессіи монаховъ и начинала уже пробуждаться городская жизнь. Было тепло, не смотря на раннее утро, и по всему было видно, что простоятъ прочный, хорошій день.

— Напрасно мы, бабушка, не остались здѣсь на денекъ! закричалъ Костя такъ, чтобы его могла

услышать за грохотомъ колесъ бабушка.

— Что? А? переспросила она.—  
Что ты говоришь?

— Я говорю: напрасно мы не  
остались здѣсь на денекъ!

— Пирожокъ? Ты хочешь пиро-  
жокъ?

Костя и Катя громко и весело

поѣзду и садятся въ вагоны, то  
она начинаетъ звонко и раскати-  
сто отъ удовольствія смѣяться.  
Бабушка глядитъ на нее и ей ка-  
жется, что въ этой дѣвчкѣ есть  
что-то русское, что-то искреннее  
и простое и въ то же время широ-  
кое и даровитое, свойственное  
одной только славянской натурѣ.



Озябла.

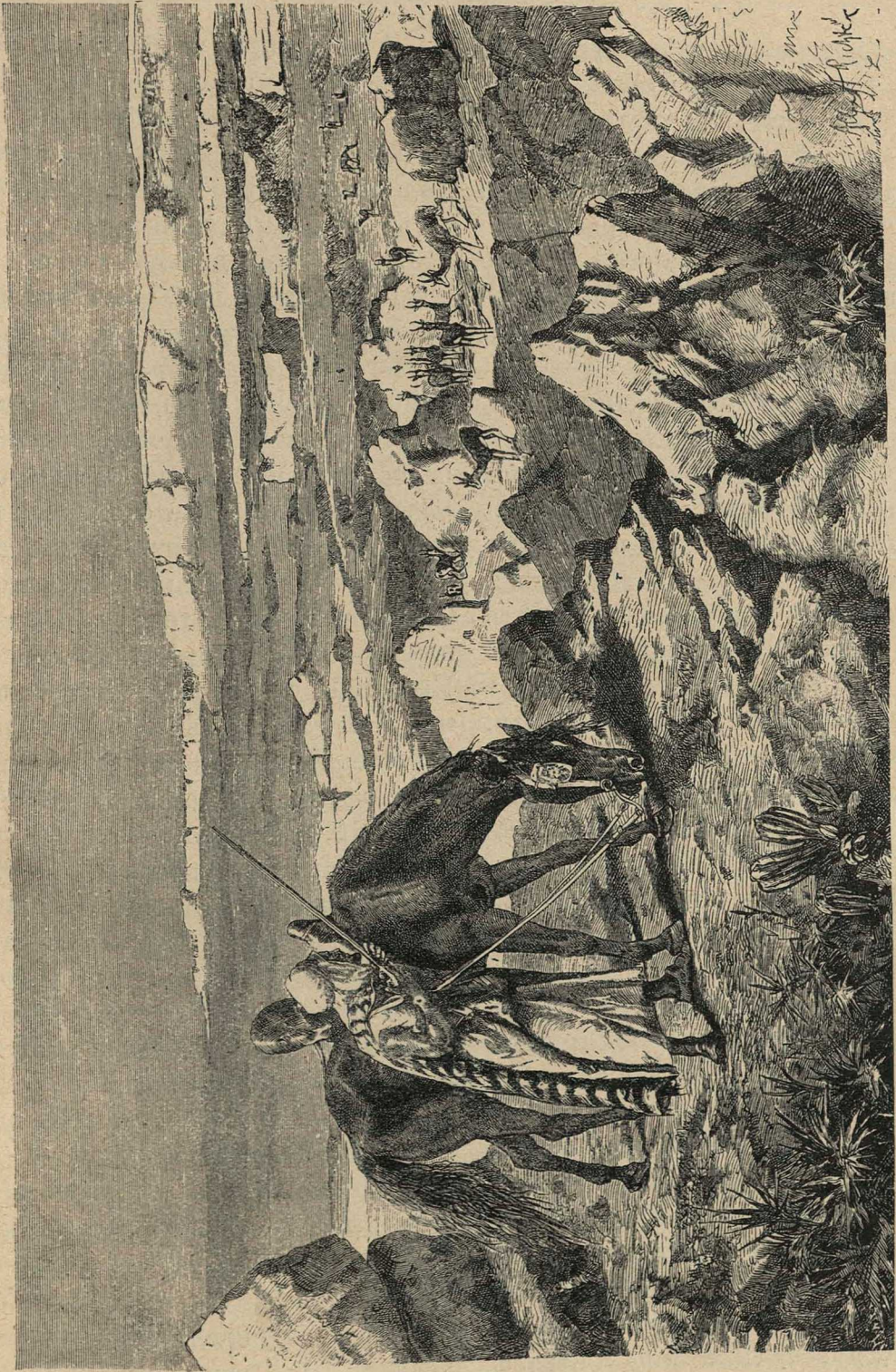
засмѣялись. Глядя на нихъ, за-  
улыбалась и сама бабушка.

Но вотъ ужъ и вокзалъ. Слышны  
свистки локомотивовъ, подѣз-  
жаютъ извожники, выходятъ и вхо-  
дятъ люди. Катя сейчасъ поѣдетъ  
на поѣздѣ и поэтому внѣ себя отъ  
радости: она торопится вылѣзти  
изъ дилижанса, торопитъ бабушку  
и Костю, хватается за узелки, и  
когда всѣ они идутъ наконецъ къ

Она усаживаетъ ее у окошечка,  
поправляетъ на ней волоски и ла-  
сково заглядываетъ ей въ глаза.

— Ну, Катерина - премудрая,  
обращается она къ ней, — какъ ты  
себя чувствуешь?

Дѣвочка открыто смотритъ ей  
въ глаза и улыбается во все лицо.  
И по этой ея улыбкѣ бабушка по-  
нимаетъ, что она довольна. Какъ  
дѣти непостоянны! Столько пере-



Арабъ въ пустынь.

жить, потерять сразу приемныхъ мать и сестру, оказаться въ чужой семьѣ и, подѣ влияніемъ новыхъ впечатлѣній, радоваться жизни и смѣло идти на встрѣчу будущему!

— Слава Богу, говорила про себя бабушка. — Значитъ, она не будетъ очень тосковать. Таковыхъ-бо есть царство небесное. Проста душой, какъ дитя...

А Костя въ это время стоялъ на площадкѣ вагона и дѣлалъ видъ, что онъ уже большой. Онъ зналъ, что бабушка будетъ беспокоиться о немъ и звать его въ вагонъ, но ему нарочно хотѣлось оставаться на площадкѣ подольше и показать обѣимъ своимъ дамамъ, что онъ мужчина и не боится ничего.

Тронулся поѣздъ и они поѣхали. Потянулись каменные заборы и лагуны, около которыхъ стояли итальянцы, похожіе на цыганъ, и бѣгали совершенно голыя дѣти. А затѣмъ длинной, безконечной лентой стали развертываться передъ нашими путниками фруктовые сады, виллы, бѣленькія итальянскія деревеньки и виноградники, въ которыхъ копошились люди. Свѣтило яркое солнце, было тепло, голубое, безоблачное небо казалось сдѣланнымъ изъ прозрачнаго стекла и темные кипарисы казались еще темнѣе на его безбрежномъ фонѣ. Бабушка, Катя и Костя смотрѣли изъ окна вагона и ласковый вѣтерокъ обдувалъ ихъ лица и игралъ ихъ волосами.

— И создастъ-же, Господь, такіе края! восхищалась бабушка. — Ну, вы скажите пожалуйста! Вы подумайте! У насъ въ Россіи — масленица, горы снѣгу навалило, а здѣсь цвѣтутъ сады!.. Удивленіе!

Въ два часа дня они были уже въ Генуѣ, а въ четыре — уже сидѣли на ступенькахъ нанятой дачки и смотрѣли на безбрежное Средиземное море. Позади нихъ возвышались лиловыя горы, уходившія за облака, передъ ними — едва замѣтной линіей море сходило съ горизонтомъ, сбоку — виднѣлся весь утопавшій въ садахъ городокъ Санъ-Ремо, а кругомъ все были цвѣты, цвѣты и цвѣты. Бабушка, Катя и Костя сидѣли на мраморныхъ ступенькахъ и не вѣрили глазамъ. Все, что они видѣли, превзошло ихъ ожиданія, масса впечатлѣній, хотя-бы только за послѣдніе два дня, спуталась въ ихъ представленіи въ одинъ общій, громадный сонъ, который заканчивался такъ хорошо и переносилъ ихъ въ такой очаровательный край.

— И создастъ-же Господь такіе края! повторила бабушка.

Въ шесть часовъ вечера солнце громаднымъ краснымъ кругомъ зашло прямо въ море. Горы захмурились и подернулись туманомъ. Птицы стихли и улеглись на покой. На небѣ стали зажигаться звѣзды. Наступила тишина и только слышно было, какъ шумѣло внизу море, катаясь по гладенькому песку,

да какъ гдѣ-то вдаль, должно быть, въ Санъ-Ремо играла тихонько музыка.

Костя и Катя вбѣжали на террасу и попросили ѣсть. Бабушка накормила ихъ, попоила молокомъ, устроила для нихъ постельки и уложила ихъ спать. А когда они заснули, она снова вышла на террасу и еще долго стояла и смотрѣла кругомъ. Было уже совсѣмъ темно и мириады звѣздъ свѣтились на небѣ и переливались, какъ брилліанты. Въ горахъ зажглись огоньки и было похоже на то, будто какой-нибудь великанъ утыкалъ разноцвѣтными булавами громадную бархатную подушку. У самага домика стояли двѣ громадныя пальмы и чуть-чуть шелестѣли листьями. Затѣмъ стали все чаще и чаще проходить мимо люди, слышались пѣсни, смѣхи и голоса и словно по мановенію волшебнаго жезла во всѣхъ концахъ стали играть гитары и мандолины и раздались нѣжныя мужскіе и женскіе голоса. Бабушка смотрѣла на темное море, на садъ, на огоньки въ горахъ, прислушивалась къ этой музыкѣ и голосамъ но такъ какъ не спала всю предыдущую ночь, то ее вдругъ властно и неудержимо потянуло ко сну.

— Пора спать!.. проговорила она, зѣвнула и перекрестила ротъ.

Она вошла въ спальную. Дѣвушка—итальянка уже пригото-

вила для нея постель. Проходя мимо дѣтей, бабушка остановилась и долго крестила Костю и Катю. Оба они спали крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ. У обоихъ игралъ на щекахъ румянецъ и было замѣтно, что эти послѣдніе два дня не прошли для ихъ здоровья даромъ: они оба какъ-то вдругъ сразу возмужали и пополнили.

— Дай Богъ! Дай Богъ! проговорила бабушка. — Проживемъ здѣсь мѣсяць или полтора и поѣдемъ къ себѣ обратно въ Россію! Вотъ только-бы поправилось Костино здорье!

А въ это время Евгенія Оедоровна и Маргарита сидѣли въ Миланѣ на вокзалѣ и жадными глазами присматривались къ прохожимъ. Они были тутъ уже съ семи часовъ утра, они уже устали, имъ хотѣлось отдохнуть и отъ вокзальнаго шума и суеты у Евгеніи Оедоровны давно уже болѣла голова. Пришло и прошло уже много поѣздовъ, цѣлыя тысячи пассажировъ прошли мимо нея, каждая старушка съ мальчикомъ и дѣвочкой привлекали ея вниманіе и она бросалась къ нимъ навстрѣчу. Но это были не бабушка, не Костя и не Катя, которыхъ она такъ пламенно хотѣла встрѣтить. Каждая новая минута, каждая новая толпа давали ей новую надежду, ей давно-бы уже надо было отправиться къ себѣ въ гостиницу и отдохнуть, но ей казалось, что

именно теперь должна была приѣхать ея Катя.

— Господи, помоги мнѣ, шептала она.—Возврати мнѣ мою дочь!

А затѣмъ, когда отошелъ послѣдній поѣздъ и когда весь вокзалъ опустѣлъ, она взяла Маргариту за руку и печально пошла къ себѣ домой.

— Тетя, я хочу спать... сказала дѣвочка, едва раскрывая глаза.— Я такъ устала!

— Сейчасъ, сейчасъ, моя дѣвочка!.. спохватилась Евгенія Ѳедоровна, и стала готовить для нея постель.

Она раздѣвала и укладывала ребенка, но ея руки дѣйствовали какъ-то сами собой, помимо ея души, и она думала только о своей Катѣ. Неужели она ея такъ и не найдетъ? Неужели она совсѣмъ потеряла ея слѣдъ и теперь не увидитъ ея больше уже никогда? Но Евгенія Ѳедоровна не хотѣла въ это вѣрить, молилась, плакала, надѣялась и рѣшила ждать. И вдругъ счастливая мысль пришла ей въ голову. Что, если она найметъ сейчасъ извозчика и объѣдетъ на немъ всѣ приличныя гостинницы и спроситъ въ каждой изъ нихъ, не останавливалась-ли въ ней старушка съ мальчикомъ Костей и дѣвочкой Катей? Навѣрное, тамъ ей сразу все укажутъ и сразу научатъ, какъ поступить. И она улыбнулась этой мысли и стала собираться въ путь.

— Какъ это мнѣ не пришло въ голову раньше? удивлялась она.

И, выждавъ, когда Маргарита крѣпко заснула, она позвала къ себѣ горничную и поручила ей наблюдение за ребенкомъ.

— Берегите ее, сказала она.— Если она проснется, то скажите ей, что я приѣду къ десяти часамъ.

— Слушаю, сеньора, отвѣтила горничная.—Будьте покойны, все будетъ въ порядкѣ.

Евгенія Ѳедоровна вышла на улицу, наняла извозчика и поѣхала по гостинницамъ. Но вездѣ, куда только она ни являлась, ее встрѣчали удивленными взглядами и разводили въ недоумѣнныя руки.

— Не знаемъ, сеньора, говорили ей.—Никто не приѣзжалъ къ намъ въ эти два дня изъ Люцерна. Развѣ сеньора не слыхала, что въ Альпахъ была снѣжная метель и что переѣхать черезъ горы было невозможно?

Но Евгенія Ѳедоровна стояла на своемъ.

— А вы справились-бы, сеньора, въ томъ постояломъ дворѣ, посоветовали ей въ одной изъ гостинницъ,—гдѣ обыкновенно останавливается дилижансъ изъ Люцерна! Это было-бы вѣрнѣ!

— А гдѣ онъ? обрадовалась Евгенія Ѳедоровна.

— Въ улицѣ Аріосто, домъ № 27.

Она вскочила въ экипажъ и ве-

лѣла гнать въ улицу Аріосто. Боже мой, какое неожиданное, сказочное счастье! Теперь она увидитъ свою дочь, поговоритъ съ нею, быть можетъ, даже возьметъ ее къ себѣ, а если ей не отдадутъ ее сейчасъ, если усомнятся въ томъ, что она дѣйствительно ея мать, то она всѣхъ ихъ пригласитъ къ себѣ, или-же сама, до выясненія дѣла, останется у нихъ.

— Скорѣй! Скорѣй! понукала она извозчика.

Минуты казались ей годами, ряды горѣвшихъ фонарей на улицахъ казались ей безконечными и городъ такимъ большимъ, больше котораго нѣтъ на свѣтѣ. Отъ нетерпѣнія ей хотѣлось плакать.

Но вотъ уже и улица Аріосто. Экипажъ подъѣзжаетъ къ воротамъ дома № 27 и Евгенія Федоровна бѣжитъ къ двери. Это—постоялый дворъ, въ которомъ останавливался Лоренцо и провели ночь бабушка, Костя и Катя.

— Не останавливался-ли здѣсь у васъ дилижансъ изъ Люцерна? обратилась Евгенія Федоровна къ привратнику.

При видѣ такой знатной, богато одѣтой дамы, привратникъ приподнялся и вытянулся въ струнку.

— Такъ точно, сеньора, отвѣтилъ онъ.—Дилижансъ изъ Люцерна приѣхалъ къ намъ вчера вечеромъ и сегодня утромъ уже уѣхалъ обратно.

— А не приѣжали-ли въ немъ

старушка и съ нею двое дѣтей—дѣвочка и мальчикъ?

— Да, да, сеньора, они дѣйствительно приѣзжали въ этомъ дилижансѣ и останавливались у насъ.

Сердце у Евгеніи Федоровны забилось.

— Проведите меня скорѣе къ нимъ! воскликнула она.

Привратникъ сдѣлалъ печальное лицо.

— Не могу, сеньора... отвѣтилъ онъ.

— Почему?

— Потому что сегодня на разсвѣтѣ они уѣхали неизвѣстно куда...

— Какъ уѣхали?! воскликнула Евгенія Федоровна.

— Они сѣли опять въ тотъ-же самый дилижансъ, сеньора, и уѣхали куда-то далеко... Я такъ думаю, сеньора, что они уѣхали назадъ.

Евгенія Федоровна схватилась за сердце. Все замелькало у нея въ глазахъ.

— Вы говорите, что они уѣхали назадъ? спросила она упавшимъ голосомъ.

— Я не говорю, а такъ думаю сеньора... отвѣтилъ ей привратникъ.—Иначе зачѣмъ-же было имъ снова садиться опять въ тотъ-же самый дилижансъ?..

Евгенія Федоровна овладѣла собой, дала привратнику монету и быстро сѣла въ экипажъ.

— Обратнo въ гостинницу „Зеленаго Льва“! приказала она извозчику.

Онъ дернулъ за возжи и лошади побѣжали.

— Если я выѣду сейчасъ обратно въ Люцернъ, разсуждала Евгенія Федоровна, то къ утру уже опять буду въ Сенъ-Бернарскомъ монастырѣ. Навѣрное, дилижансъ тамъ будетъ ночевать. Я застаю его тамъ. Я постараюсь его догнать!..

И полная новой надежды, она возвратилась къ себѣ въ гостиницу, быстро уложила вещи, разбудила Маргариту, наняла за большія деньги экипажъ и тотчасъ-же помчалась опять на сѣверъ въ погоню за дилижансомъ.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



## ГОЛОВОЛОМКИ.

### I.

Зачѣмъ бѣгаетъ жеребенокъ?  
(Предложилъ В. Н.).

### II.

Три зайца, сколько будетъ ушей?

### III.

Название южнаго русскаго города состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 8. 3. 9. 10. 13 означаютъ большого хищнаго звѣря, 2. 3. 4, 5—малаго хищнаго звѣря, 9. 3. 8. 5. 10. 11—музыкальный инструментъ, 4. 1. 2. 3. 8. 10. 11—то, что подбавляютъ для цвѣта въ ветчину и солонину, 4. 10. 7. 12. 5—день недѣли, 6. 1. 8. 2. 11—дерево. Найти эти слова и название задуманнаго города.

### IV.

Катя и двѣ ея подруги усѣлись за круглый столъ и стали считать, сколько всѣхъ дѣвочекъ сидѣло за столомъ? Оказалось, что противъ Кати и каждой изъ двухъ ея подругъ сидѣло по двѣ дѣвочки. Сколько дѣвочекъ сидѣло за столомъ?

### V.

Бѣлка сидѣла на сучкѣ дерева и грызла орѣшекъ. Пришли мальчишки и стали на нее глядѣть. Одинъ изъ нихъ тронулъ ее палкой по спинѣ, тогда она испугалась и, уронивъ орѣшекъ, быстро убѣжала отъ нихъ и скрылась въ вершинѣ. Почему она отъ нихъ убѣжала?



*Объясненіе игры «Большой и Маленькій», данной въ приложеніе при этомъ номерѣ.* Приложение наклейте на тонкій картонъ и разрѣжьте по линиямъ острымъ ножомъ. Тогда у васъ получатся 36 карточекъ, изъ которыхъ 18 будутъ съ предметами крупными и 18—съ такими-же предметами мелкими. Играющихъ двое. Карточки тщательно перемѣшиваются и сдаются поровну, но такъ, чтобы никто изъ играющихъ не зналъ, какія это карточки. Каждый изъ играющихъ кладетъ передъ собою свою колоду изнанкой вверхъ и ходитъ только верхней карточкой. Одинъ ходитъ, другой долженъ или сдать ему взятку, или взять взятку себѣ. Взятка кладется каждымъ подъ свою колоду. Примѣръ: Петя пошелъ

съ маленькаго мячика, Ваня открылъ большой подсвѣчникъ; значитъ, беретъ взятку Ваня. Однимъ словомъ беретъ тотъ изъ играющихъ, кто открываетъ большой предметъ. Но если откроются вдругъ предметы одноименные, напр. большой цилиндръ и маленький цилиндръ, большой молотокъ и маленький молотокъ и т. п., то ихъ такъ и оставляютъ на столѣ; это споръ; тогда открываютъ слѣдующія карты и тотъ, кто откроетъ большой предметъ, беретъ себѣ и взятку, и эти обѣ спорныя одноименныя карты.

Цѣль игры—отнять у противника всѣ карты. Игра очень заинтересовываетъ и можетъ продолжиться на цѣлый часъ.



*Рѣшеніе головоломки и ребуса № 7, помѣщенныхъ въ № 7 „Золотого Дѣтства“*

**Головоломки:** I) Три+тонъ=тритонъ. II) Ре+бусы=ребусы. III) Рѣка, елка, золото, икра, нитка, алмазъ=Резина. IV) Акула, марка, алтарь, шуба, огонь. V) За столомъ сидѣли только трое: бабушка, мать и внучка (бабушка и мать—это двѣ матери, мать и внучка—это двѣ дочери). VI) Разница въ томъ, что слонъ можетъ прислониться, а картина прикартиниться не можетъ (это шутка), VI. Слово «это» состоитъ изъ трехъ буквъ. VIII) Желѣзнодорожное. IX) На Курганѣ. X) Баранъ—барабанъ. XI) Колесо, родина, камень=сорока. XII) За спинами, по улицамъ.

**Ребусъ № 7.** За+мечъ+е+ночь+т+оса+ма+ядь+урна+я+по+года+бы+ваеть+пе+ре+дъ+за+с+ухо+й=Замѣчено, что самая дурная погода бываетъ передъ засухой.

**Верныя рѣшенія прислали:** Серафимъ Важинскій, Володя Яковлевъ, Мина, Жора и Аля Люблинскіе, Антонъ Кравчукъ, Лида, Шура и Мама Карташевы, Шура Москаленко, Лена Соколовъ изъ Млавы, Майскій жукъ, Кира Величковскій, Вѣрочка Каверзнева, Зоя и Ида Свѣтъ, Лидуша и Боряша Рябовы, Анна Черникова, Женя Жмиренко, Славикъ Неудачинъ, Анюта Кельбакъ, Андрюша Соболевъ, Елена Козо-Полянская, Толя Авшаровъ, Шура Бычковъ, Эмма и Людмила Люблинскія, Оська и Додька Батштейнъ, Давидъ Варшавскій, Лидочка Пузырева, Саня Замяткинъ, Ляля и Таня Цакони, Рома, Влада и Ира Суцевичъ, Володя Закъ, Симочка Остолопова, Алексѣй Пичугинъ, Шура и Ляля Машковскіе, Зоя Ключева, Соня и Маруся Кузовкины, Боря Одесницкій, Коля Розовскій, Евгений Радде, Кто-то изъ Вильны (неразборчиво), Зоя и Ксюша Казачковскія, Сенти-Гукъ вождь племени Сиу, Сережикъ Зарайковскій, Миля Хайма, Сережа Якушовъ съ Дона, Аркадій Пионткевичъ, Георгій Духовской, Ю. Дудинъ, Яковъ Уманскій, Е. Радде, Шура и Боря Тихомировы изъ Кургана, Вѣрочка Зубова, Коля Кладъ, Г. Огаревъ, Кира Кульнева, Аля Быкова и Вѣра Кобылинская. Варя Наумова въ Спб., Людмила Фокина, Ал. Як. Оедоровъ въ Спб., Боря

Михайловъ, Мира Глинка, Коля Хартулари, Костя Ивановъ изъ Касимова, Нина Гордѣева, Володя Новицкій, Ниль Шнитниковъ, Глѣбъ Горностаевъ, Сана Попова и Сана Галахова, Вадимъ Лыжинъ, Андрюша Соболевъ, Нивочка и Жоржикъ съ мамой, Ляля Сикорская, Шурикъ Коссовичъ, Вѣра и Маруся Устиновы, Надя Самарская, Леонардъ и Эдгардъ фонъ-Рихтеръ, Саша и Наташа Цейдлеръ, Лара Машкова, Лиза Базильская, Миша Соколовъ, Толя Никольскій, Галя и Шура изъ Вильны, Леночка Клейнеръ, Вадимъ Дурново, Лиля Дублянская, Тамара и Галя Внуковы, Вова Тюленевъ, Саша Теръ-Антоновъ, Люблинскія гимназистки Оля и Вѣра Михайловы, Фима и Зюка Домбровскіе, Лена Мазуркевичъ, Таня Надеждина, Танечка Долганова, Киръ Величковскій, Саша Никифоровъ изъ Ржева, Вася и Костя Федоровы, изъ Владимира, Толя и Саша Стратонитскіе, Стасюкъ изъ Варшавы, Михаилъ и Саша Брамсоны, Елена Григоровичъ, Шура и Володя изъ Щигровъ, Сережа Стратоновичъ, Ира и Сева Анисимовы, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Павелъ Ал. Вагнеръ, Дима Фоминъ, Левъ, Фаиночка и Лидочка Яковлевы изъ Харькова, Соня и Катя Батюшковы изъ Бейрута въ Сиріи, Саня Замяткинъ, Коля Воронинъ, Юра и Нина Делекторскіе, Надя Карташева, Аня Коганъ, Наталия Пирогова изъ Ковеля, Нюра Молчанова, Эдикъ, Володя и Стасикъ Маньковскіе, Шурочка, Ниночка, Лиденъка, и Серафимъ Протопоповы, Вова Савинъ, Мама, Лида и Шура Карташевы, Лева, Витя и Мама изъ Моршанска, Галя и Боря Гнетневы, Коля и Лида Гладилины, Зина и Воля Петровы изъ Ражска, А. Гротто-Слепиковскій, Боря Филипповичъ, Зина, Лена и Нюра Коноплевы, Толя и Коля Туръ, Маня Тюльпанова, Шура и Витя Перминовы, Тася и Соня Вывіорковскія, Вѣрочка Каверзнева, Соня и Галя Столяровы, Таня, Нюся и Леля Леонидовы, Марина и Таня Ляхницкія, Сережа Калашниковъ, Саня Бугаеско, Олегъ, Капкарровъ, Вася Стасюкъ, Сережа, Игорь и Лина Халтурины, Сережа Думаревскій, В. Зеринъ, Казачекъ Шурочка и Томочка изъ Луганска, Володя Шурыгинъ, Юля Эдемманъ, Коля Ряпиловъ, Володя Вердниковъ, Лиза и Леля Комаровскія, Вѣрочка и Валя Исковы, Ваня Пилипенко, Коля Страдомскій, Елена Соловьева, изъ Юрьева, Мира Оранъ, Л. В. Курганскій, Няля и Иванъ Максимовы, Коля Гречачевскій, Ленточка и Шурикъ Ивановы, Хопъ Хоповичъ.

**Очень рекомендуется!**

новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.  
Съ пересылкой 55 коп.

**„Дружокъ и Томка“.**

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи „Золотого Дѣтства“.

Повѣсть эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

## Ребусъ № 9.



Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

## ОТЪ РЕДАКЦІИ.

### Лучшій подарокъ для дѣтей:



«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.





Годъ 6-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА  
на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ  
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

**„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“**

←‡ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ‡→

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.  
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).  
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

≡ **„АНГЛИСКІЯ СКАЗКИ“**. ≡

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

**„АЛИСА ВЪ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНѢ“.**

≡ Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлокъ». ≡

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:  
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

**3 р. 80 к.**

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.